

УДК 81.373
ББК 81.2

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСЬБЫ В ЧЕЛОБИТНЫХ XVII ВЕКА

Г.В. Токарев, Ю.Ю. Леонова

На основе анализа лексико-фразеологического состава челобитных XVII века выявлены стандартизированные средства объективации просьбы. Выделены и описаны традиционные формулярные элементы челобитных: свободные и обязательные лексико-фразеологические стилевые элементы просьбы.

Ключевые слова: челобитная, просьба, документ, официально-деловой акт, устойчивые словосочетания.

Выражение просьбы в челобитной представляет особую формулу.

В официально-деловых челобитных использовалась стандартная фраза: *милосердый (милостивый, праведный) государь (государыня)... пожалуй меня (нас)... вели (не вели и другие глаголы волеизъявления) + инфинитив глагола желаемого действия: Милостивый царь государь и великий князь Борис Федорович всеа Руси, пожалуй нас, сирот своих, вели нам дати свою государеву проезжую*. Разновидностью формулы просьбы, встречающейся в челобитных прошениях, было выражение *милосердый государь... пожалуй меня (нас)... чем (за что чем, на что чем)*.

Формула просьбы в частно-деловых челобитных представлена следующими вариантами.

1. Наиболее частотным средством выражения просьбы является побудительная конструкция *умилостивись (умилосердись, реже: смилосердитесь, смилосердуйтесь), государь... пожалуй меня... вели (повели, поволь, прикажи, укажи) + инфинитив глагола желаемого действия: Умилостивися, государь... пожалуй нас, сирот своих, вели нам кормитца на Екшени...* (АХБМ. Ч. II. № 398, 100, 1660).

Стремление усилить воздействие на адресата проявляется во включении перформативных глаголов в состав формулы просьбы: *смиловаться, пощадить, помиловать*, что приводит к увеличению экспрессии: *Умилосердися, государь... пощадди и помилуй... не помори, государь, голодною смертию... вели, государь, дати... в займы ржи... да овса... на сямьяна* (ЧО. № 52, 91, втор. пол. XVII в.).

2. Разновидностью формулы просьбы является штамп *милости у тебя (вас)... прошу (просим; прошаю, прошаем)*, употребленный в начале предложения: *Милости у тебя, государя, прошаю, пожалуй меня, сироту своего... вели, государь, на работу за уход дати, или вели, государь, меня перемените... иному крестьянину... пчелы ухаживать* (ЧО. № 33, 80, 1673).

3. Просьба может быть выражена контаминацией конечного протокола и одной из формул просьбы, описанных выше: она начинается с формы императива глаголов *смиловаться, пожаловать* (реже – *помиловать, пощадить*): *Смилуйся, государь... пожалуй меня, вели, г., мне тое крестьянку... отдати... и о том дати свою... грамоту* (АХБМ. Ч. II. № 445, 130, 1660). В большинстве частно-деловых актов эта формула представлена в неполном виде: обнаруживается пропуск элемента *пожалуй меня (нас)*, употребление дополнения к глаголу *смиловаться* и т. д.

Повторением глаголов просьбы, мольбы, многократным использованием обращений, эмоционально-экспрессивных приложений и эпитетов челобитчик стремился усилить воздействие на адресата. Эти трансформации формулы просьбы отражают влияние обиходно-разговорной речи.

Формулы, в которые заключается содержание просьбы в частно-деловых челобитных, обнаруживают структурные и лексические отличия от соответствующего клише официально-деловых челобитных, в частности в составе формул активно используются глаголы *умилостивись, умилосердись, смилуйся, пожалуй, пощади, помилуй*. Обилие вариантов формул просительного раздела, по словам А.Н. Качалкина, «свидетельствует о меньшей обученности авторов (писцов), об их стремлении добиться большего воздействия на адресата, побудить его к выполнению просьбы, которую вотчинник или помещик волен был удовлетворить» [2, с. 107]. Лексический состав формулы просьбы в частно-деловых челобитных разнообразнее, чем в официально-деловых. Представлено большое количество обиходно-бытовых слов: *ознобить (озяблою смертью), поморить (голодом), посправиться*.

При изложении содержания просьбы в состав формулы включаются глагольно-именные устойчивые сочетания, относящиеся к приказно-деловой, юридической терминологии: *учинить указ* ‘вынести решение’, *дать суд* (суд и управу) ‘назначить судебное рассмотрение дела’, *дать кого-л. на поруки, (за) пристава* ‘передать кого-л. на чье-л. поручительство (под охрану)’, *дать очную ставку или поставить кого-л. с кем-л. на очную ставку (с очей на очи)*, *поставить в приказе* ‘допросить в судебном органе в присутствии истца и свидетелей’, *дать сроку* ‘отсрочить судебное разбирательство’ и др.

Не останавливаясь подробно на анализе данных устойчивых конструкций (они подробно рассмотрены в ряде работ, посвященных юридической терминологии XVII века), отметим, что использование этих вошедших в общенародное употребление приказно-деловых устойчивых словосочетаний характерно для судебных документов: официально-деловых исковых, отсрочных, ставочных челобитных.

В повинных челобитных используется фразеологическое сочетание *отдать вину* (‘простить’) или клише *а в вине моей (нашей) ты... волен: Милостивый царь... смилуйся над нами, вину нашу отдай* (АИ. Т. 2. № 101, 133, 1608).

В изветных, мировых, ставочных и явочных челобитных официального характера просьба могла содержать клаузулу о записи челобитья, то есть об официальной регистрации акта: *Милосердый государь, пожалуй меня, х. своего, вели мое челобитье записать* (Сид. № 2, 2, 1616). Такая запись, как отмечает И.П. Майоров, избавляла челобитчика от обвинений, подозрений, прекращала судебный процесс и т. д. [3, с. 37].

Вместо клаузулы о записи в повинных челобитных могла употребляться просьба принять челобитную (повинную): *Вели, г., челобитишко мое и повинную принять* (Сид. № 308, 569, 1649).

Рассмотренные устойчивые словосочетания, соединяясь с элементами формулы просьбы, создавали юридическую завершенность челобитной как одного из видов актовой письменности, а также выступали обязательной приметой данного жанра.

В состав просительной части челобитных – прошений, исковых, изветных часто вводились специальные формулы-предложения, которые не имели юридического характера, а выполняли экспрессивно-эмоциональную роль. К ним можно отнести придаточное предложение, в котором подчеркивалось, что челобитчик рассчитывает на добрую волю того, к кому обращается: *что (кому, где, как, почему, чем) ты... укажешь (пожалуешь): Вели, гсдрь, про тот позор и лаю отца моего и матери моей и мои... сыскают, кому ты, гсдрь, укажешь* (МДБП. 2. № 33, 61, 1639).

Большей эмоционально-экспрессивной окраской обладала используемая в этих же целях формула, включающая придаточное предложение и глагол *пожаловать*: *пожалуй нас, как (что, чем, где, сколь, сколько) тебя (тебе)... (обо мне, о нас)... бог (господь бог, дух божий) известит*. Эмоциональность этой формулы усиливалась постоянными эпитетами *всемогущий, милосердый, пресвятой, праведный*, относящимися к словам *Бог* и *государь*: *Милосердые госу-*

дари... пожалуйте меня... для того, что вор Стенька у меня... взял животишек моих на 4000 рублей... как вам, великим государем, всемогущий господь Бог известит (РД. 3. № 302, 380, 1683).

В частно-деловых челобитных в формулу просьбы могли включаться пожелания быть внимательным, благожелательным: *Умилостивися, государь... воззри, г., своим милостивым оком, вели, г., дать* (АХБМ. Ч. II. № 358, 73, 1658); *Умилостивися, государь... пожалуй нас... не отгони, г., от своей боярской милости, вели* (АХБМ. Ч. II. № 524-2, 178, 1660).

Традиционными элементами просительной части официальных и частных челобитий были эмоционально-экспрессивные формулы, указывавшие на возможные последствия, к которым могло привести неудовлетворение просьбы челобитчика. Эти словосочетания, характерные для всех разновидностей челобитных, присоединялись к формуле просьбы при помощи придаточного предложения с союзом *чтобы*, относящегося к словосочетанию *пожалуй меня (нас)* или к одному из глаголов желаемого действия.

К этой группе выражений относится словосочетание: *отбыть (остать, отстать)* дела (службы, податей, пашни, работишки, тягла и т. д.) ‘перестать исполнять какие-л. обязанности, обусловленные социальным положением челобитчика’. Формула эта всегда употребляется с отрицанием, а глагол чаще выступает в форме инфинитива: *Милосердый государь... пожалуй нас [казаков]... жалованьем... чтоб нам... до конца не погинуть и вперед твоей царской службы, не остат* (СПП. 1, 6–7, 1613).

В частно-деловых челобитных наряду с *отбыть (остать, отстать)* тягла (податей, пашни, изделия ‘барщины’, заделья ‘барщины’) в значении ‘перестать выполнять крестьянские обязанности’ встречается также *отбыть (отстать)* домишка (домишки, от домишка) ‘перестать быть крестьянином, пойти по миру’: *Вели, г., про то... сыскать... и по сыску... указ учинить, чтоб мне... вконец не погинуть и вперед твоего государева тягла и податей не отбыть* (АХБМ. Ч. II. № 450-2, 134, 1660).

Особые конструкции использовались в тех случаях, когда челобитчик хотел подчеркнуть возможные имущественные, финансовые и иные последствия неудовлетворения его просьбы, жалобы – «глагол *быть* с отрицанием + краткое или полное страдательное причастие в дательном или творительном падежах – *не быть забиту (замучену, испродану, непроданной, истощенной)* в чем (за что, по какой причине)»; при этом глагол находится, как правило, в конце предложения: *Вели, государь, сию мою челобитную послать... к Москве, чтоб мне... а той твоей, великого государя, казне на правеже до смерти забиту не быть* (РД. 2-1. № 153, 181, 1670).

Если в официально-деловых челобитных речь шла о последствиях разного рода (наказании, денежном штрафе, разорении), то использовалась формула «*не быть* + предложный падеж отглагольного существительного с предлогом *в*»: *не быть в опале (в пене ‘денежном штрафе’, в смертной казни, в позоре, в попреке ‘осуждении’, в разоренье)*, глагол также ставился в конце предложения: *Вели, государь, челобитье наше и извет записать, чтоб нам... от тебя, великого государя, в опале и в смертной казне не быть* (РД. 2-1. № 151, 179, 1670).

Возможность физической гибели челобитчика и членов его семьи выражалась с помощью формул: 1) глагол + творительный тавтологический – *умереть (помереть) голодною (напрасною, нужною, холодною) смертью* от чего (без чего) или 2) глагол в форме прошедшего времени + родительный падеж – *умереть (помереть) с голоду (голодом)*. Первая носит более книжный (приказно-деловой) характер, вторая имеет обиходно-бытовую окраску: *Вели, государь, нам... мхсячной корм... выдать, чтоб нам... без корму голодною смертью не умереть* (АЮ. № 40, 88, 1645); *Вели мне свое... жалованье дать, как моим товарищем, чтоб я, холоп, голодам не умер* (СПП. 1. 26, 1613).

В частно-деловых челобитных эти формулы могли использоваться непосредственно в формуле просьбы; в данном случае мы имеем дело с разговорной трансформацией традиционных для челобитных формул: *Умилосердися, государь... вели... меня из тюрьмы свободна учинить, не вели голодною смертью уморить* (АХБМ. Ч. I. № 79, 145, 1650).

Возможность полного разорения и физической гибели выражалась как в официальных, так и в частных челобитьях с помощью словосочетания *вконец (до конца) погибнуть (погинуть), разориться* и т. д.: *Не вели, г., у нас... тое мельницу напрасно отпять... чтоб нам, ст., от того Завьялова ложно-ва челобитья и оглашения в конец не погнубить и... тягла не отбыть* (АХБМ. Ч. I. № 55-1, 123, 1650).

В крестьянских челобитных употребляется устойчивое словосочетание *ра(о)збрестись врознь (розно)* 'разойтись по одиночке, покинуть землю, перестать заниматься крестьянским трудом': *Не велите, государи, править по третьему рублю... чтоб нам, сиротам, врознь не разбрестися* (ЧО. № 6, 67, 1673).

В формулу просьбы могли включаться обобщенные формулировки мотивов пожалования (*за кровь* 'за ранение', *за раны, за службишко*), добавочных мотивировок (*для ангела-хранителя, для своего многолетнего здоровья, для твоего царского величества, ради великого чудотворца Христова Николы* и т.п.).

Как указывает С.К. Богоявленский, «отдельные традиционные формулы были социально ограничены: *отбыть (встать) службы или дела* – для служилых людей; *отбыть (остать) тягла, податей, работишки* – для посадских людей и государственных крестьян; *отбыть (остать) пашины, изделья* – для частно-владельческих крестьян» [1, с. 204].

Таким образом, одним из продуктивных способов выражения интенции просьбы является вербально-семантический. Для выражения просьбы чаще всего использовались перформативы и эмоционально-оценочная лексика. В семантике языковых единиц, включенных в клише, содержится указание на прямые и косвенные речевые тактики прошения, актуализированное использованием эмпатических средств. Модусная часть формулы просьбы фиксирует четкую противопоставленность просителя и адресата, что проявляется в самоунижении первого и возвышении второго. Лексическое наполнение просьбы включает в себя элементы аргументации, эксплицируя наиболее важный довод – сохране-

ние жизни и здоровья. Большое число вариантов формулы просьбы свидетельствует о значимости данного жанра в рамках культурно-прагматического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астахина, Л. Ю. Семантические и словообразовательные аспекты изучения тематической группы / Л. Ю. Астахина // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. – М.: АН СССР, 1991. – С. 34–52.
2. Богоявленский, С. К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков / С. К. Богоявленский – М.: Знак: Яз. слав. культуры, 2006. – 608 с.
3. Виноградов, В. В. К истории лексики русского литературного языка / В. В. Виноградов // Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 40–47.
4. Качалкин, А. Н. Памятники местной деловой письменности XVII в. как источник исторической лексикологии / А. Н. Качалкин // Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 105–113.
5. Майоров, А. П. Формуляр и лексическая содержательность явочных челобитных / А. П. Майоров // История русского языка и лингвистическое источниковедение. – М.: Наука, 1987. – С. 32–48.
6. Судаков, Г. В. Критерии выделения и особенности организации лексических групп / Г. В. Судаков // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. – М.: АН СССР, 1991. – С. 23–34.

ИСТОЧНИКИ

- АИ* – Акты исторические, собр. и изд. Археологической комиссией. Т. 1–3. – СПб., 1841.
- АХБМ* – Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч. I, II / под ред. А. И. Яковлева. – М.: Изд-во АН СССР, 1940–1945.
- АЮ* – Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. – СПб.: Археогр. комис., 1838.
- МДБП* – Московская деловая и бытовая письменность XVII века / изд. подгот. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. – М.: Наука, 1968. – 338 с.
- РД* – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. док. Т. 4. – М.: [Б. и.], 1976.
- Суд* – Новомбергский, Н. Слово и дело государевы: (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). Т. 1 / Н. Новомбергский. – М., 1911. – (Записки Моск. Археол. ин-та. Т. 14).

СПП – Первые месяцы царствования Михаила Федоровича / под. ред. Л. М. Сухотина. – М. : Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1915. – 238 с.

ЧО – Арсеньев, Ю. П. Ближний боярин князь Н.И. Одоевской и его переписка с Галицкой вотчиной (1650–1684) / Ю. П. Арсеньев. – М. : [Б. и.], 1982. – Разд. 5. – С. 64–112.

LEXICO-PHRASEOLOGICAL MEANS OF EXPRESSING A REQUEST IN PETITIONS OF THE 17th CENTURY

G. V. Tokarev, Yu. Yu. Leonova

The authors determine the standardized means of a request objectivization having analyzed lexical-phraseological units of the Russian petitions of the 17th century. Traditional blank form elements of petitions such as optional and core lexical-phraseological style components of a request are outlined and described.

Key words: *petition, request, document, official act, phraseological units.*